

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Бралина С.Ж. к.ф.н., профессор
Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
г. Караганда, Республика Казахстан

В статье рассматривается одна из основополагающих категорий теоретической фольклористики – фольклорный текст. В этой связи исследуются современные концепции фольклорного текста, его текстологические, концептуальные, синкретические и семиотические особенности.

Ключевые слова: фольклор, постфольклор, теория фольклора, традиция, текстология, текст, запись, вариант, контекст, код, лингвофольклористика, этнолингвистика.

Основу любой науки составляет ее теория – система общих принципов, методов, подходов в рассмотрении конкретного явления. Без теории нет практики, в свою очередь сама практика является источником и стимулом формирования теоретического основания.

Не случайно профессор В.П. Аникин, которому принадлежит один из первых опытов обобщения теоретических наблюдений в виде курса лекций по теории фольклора, заключает: «Наука начинается с момента, когда факты охвачены теорией, которая усматривает в них общие закономерности. *Теория предмета – это система обобщенного знания о предмете.* Теория оперирует общими понятиями, категориями, законами и принципами. Если мы законов не знаем, если у нас нет принципов, если мы не можем факты подвести под общие суждения, нет и науки» [1].

Современная ситуация в фольклористике, оцениваемая некоторыми исследователями, как «кризисная», во многом обусловлена тем, что кардинально изменилось само представление о фольклоре, о его концептуальной сущности, границах, функциональности, формах бытования. Теорией чего (?) должна стать формируемая наука: традиционного фольклора («голоса прошлого», «живой старины») или современного культурного феномена, именуемого «постфольклором», фольклорной «повседневностью», либо того и другого одновременно. Ясно одно, что современная теория фольклора должна быть выстроена с учетом новых представлений о фольклоре, на основе обновленной и дифференцированной терминологии.

Процесс идентификация теоретической фольклористики определяется, прежде всего, основными проблемами, включаемыми теоретиками фольклора в круг ее изучения. Иначе говоря, на стадии формирования теории фольклора ее предметное поле охватывает, как правило, категории и понятия, по существу произвольно отобранные авторами предлагаемых концепций в виде лекционных курсов, программ специальных курсов, учебных пособий. Безусловно, подобный принцип мы можем наблюдать и по отношению к другим теориям гуманитарных наук (теории литературы, теории языка и т.д.). Однако «степень колебаний» литературоведческих и лингвистических теоретических категорий, при всем многообразии теоретических концепций, все равно остается в неких общепринятых пределах: например, в теории литературы – это род, жанр, литературное течение, стиль, язык произведения и т.д.

Эта закономерность объясняется длительностью существования теории литературы, ведущей свое начало с античных времен, многообразным опытом, накопленным мировой практикой, постоянно обновляющимся материалом исследования, т.е. самими литературными произведениями и т.д.

В противовес сказанному теория фольклора (даже в рамках вузовского образования) удивляет разнообразием в содержании предлагаемой дисциплины.

В состав теории фольклора на равных правах включаются фольклорные, этнографические, литературоведческие, лингвистические, культурологические, психологические, семиотические и другие понятия.

Проблемы теоретической фольклористики (предпосылки ее формирования, условия развития, влияние объективных и субъективных факторов, присущие ей особенности и т.д.), безусловно, должны стать предметом серьезного осмысления в науке о фольклоре с учетом имеющего немногочисленного опыта в этой области знаний.

С этой связи каждая теоретическая категория фольклора должна быть всесторонне осмыслена с точки зрения объективности, закономерности ее отнесения к теории фольклора, ее онтологической сущности, специфики, функциональности и значимости в теоретической фольклористике. Должен быть определен круг теоретических проблем фольклора, тезаурус теоретических понятий, их дефиниции. В противном случае теоретическая фольклористика как самостоятельная наука утратит

всякий смысл и востребованность.

Как было уже отмечено, в науке о фольклоре имеются отдельные попытки разработки теории фольклора, однако сегодня важно начать с основополагающих теоретических понятий, составляющих основу науки.

Одним из таких понятий является **фольклорный текст**. Выбор названной категории далеко не случаен. Как известно, произведения фольклора, разграниченные по родам и жанрам, имеющие названия – явление абсолютно условное, результат работы собирателей и исследователей фольклора. В то время как сам народ – создатель и носитель фольклора – никогда не разграничивает исполняемый им материал, свое устное поэтическое творчество с точки зрения жанров или неких номинаций произведений. Например: все многообразие эпических и лирических песен в русском фольклоре (исторических, балладных, частых, протяжных и др.) именуют в народе «песней», жанровые разновидности сказок – просто сказками, разные виды не сказочной прозы – рассказами и т.д. В казахском фольклоре весь песенный фольклор народ называет – либо жир, либо олен.

Отсюда возникает вопрос: что же мы слышим от исполнителя? То, что хотим услышать, или то, что он исполняет? Мы слышим не произведения, подобные литературным, имеющие название и специально читаемые, а слова, предложения, фразы, искусно соединенные, связанные, сплетенные между собой, т.е. то, что еще с древности получило название **текст**.

Поэтому текст как универсальная категория научного познания стал активно использоваться специалистами в области фольклора. В результате этого в исследовательской практике возникло устойчивое понятие «фольклорный текст». Однако само понятие приобрело в науке о фольклоре различные толкования, далеко выходящие за пределы сугубо текстологические. Эволюция понятия фольклорного текста, его семантическое и функциональное переосмысление обусловлены общими процессами развития, как самого фольклора, так и науки о нем. Наблюдения, сделанные современными исследователями, позволяют сегодня дать предварительную концептуальную картину сложившейся ситуации в фольклоре.

В 50-60-х годах XX века термин «текст» был введен в исследовательскую фольклористику из фольклорной текстологии – вспомогательной науки, занимающейся подготовкой устно-поэтических текстов к изданию. В свою очередь сама фольклорная текстология во многом унаследовала категориальный аппарат литературной текстологии. Поэтому по аналогии с литературными текстами по отношению к фольклорному тексту стали употреблять следующие дефиниции: «полный», «неполный», «первичный», «редактированный», «высокохудожественный», «малохудожественный», «текст определенного сказителя» и т.д.

Понятно, что вся эта терминология (верная с точки зрения литературы) была абсолютно некорректна по отношению к фольклору. Она автоматически порождает ряд вопросов, на которые не было ответов: в чем критерий полноты, первичности, художественности фольклорного текста? В чем выражается «принадлежность» текста к определенному сказителю?

Сегодня ответы на эти вопросы, казалось бы, приобрели аксиоматический характер. А именно: в фольклоре реально существуют многочисленные варианты, функционирование которых обусловлено многими факторами: местом, временем бытования фольклорного произведения, жизненными обстоятельствами самого исполнителя, аутентичной обстановкой исполнения и т.д. Поэтому нам, образно говоря, не ведомы пути развития того или иного текста, отсюда в фольклоре не может быть первого и последнего текста, лучшего и худшего, а тем более личного, авторского.

Например: до сих пор наука не может ответить на вопрос – почему у всех народов эпос представлен в конгломератной форме и только русский эпос бытует в форме отдельных былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и других богатырях? Где здесь полнота: был некий конгломерат, который в силу неизвестных причин рассыпался на отдельные эпические песни или это самостоятельные песни, которые (также неизвестно почему) не достигли конгломератной формы?

Какую сказку считать полной: которая логично излагает последовательность событий (лиса притворилась мертвой, утащила у мужика из саней рыбу, научила волка ловить рыбу на хвост, потом полезла за курами, но попала в кадку с тестом и, наконец, поехала на волке с оторванным хвостом, приговаривая, что ей еще хуже – мозги выбили...). Но ведь в народе этот «полный, логичный» сюжет, как правило, бытует в виде отдельных сказок: «Лиса и мужик», «Лиса и волк», «Битый небитого везет». Почему? Таковы законы фольклорной традиции, они не требуют причинно-следственной обусловленности, обязательной логики событий.

Что касается художественности, то по отношению к фольклору этот термин по существу утрачивает свою научную дефиницию. Действительно, с чьей точки зрения мы должны оценивать

эстетическую ценность фольклорного текста? С точки зрения собирателя фольклора (н-р, академика А.Ф. Гильфердинга), с точки зрения высокообразованного исследователя (н-р, профессора В.Я. Проппа) или с точки зрения неграмотного и малокультурного исполнителя? Не случайно в советской фольклористике всегда существовал официальный (т.е. разрешенный фольклор) и неофициальный (т.е. запрещенный, табуированный). По удачному выражению американского ученого Дорсона, советский фольклор на девяностых *fakeloge* (фальшивка).

Сегодня все это кажется очевидным и понятным. Однако, в 50-х годах ответы на вопросы, связанные с понятием фольклорного текста, не могли быть даны по объективным причинам. В то время перед наукой стояли другие задачи: важно было сохранить памятники устной культуры, познакомить широкую общественность с сокровищницей эпического творчества народов СССР. С этой целью проводилась серьезная, кропотливая работа над записями фольклора, представляющими тот или иной вариант, версию конкретного эпоса. Плодотворность этого периода в истории фольклористики не вызывает сомнения: эдиционная практика тех лет обогатилась новыми изданиями фольклора, не утратившими своей научной значимости до сегодняшнего дня.

С другой стороны, современная текстология фольклора по определению должна оперировать понятием фольклорного текста, включать его в категориальный аппарат своей науки, а значит иметь четкое представление о сущности названного явления. В этой связи известный текстолог Т.Г. Иванова пишет: «Историко-фольклорная текстология направлена на изучение вариантной природы текстов устнопоэтического творчества. Сопоставляя, сравнивая один вариант сказки (былины, песни и т.д.) с другим, выявляя региональные версии и редакции какого-либо фольклорного произведения, выстраивая схему генеалогического соотношения текстов, подчас устанавливая книжные источники для какого-либо варианта, исследователь вступает в сферу текстологии. Текст сам по себе (а не заложенные в нем языческие представления, не его социальное содержание, не поэтические приемы, которые создают художественную ценность произведения фольклора, и т.д.) в данном случае становится объектом исследования ученых» [2].

Трудноуловимая, почти метафорическая дефиниция фольклорного текста – «текст сам по себе», на наш взгляд, не расшифровывает само понятие текста. Если же обратиться к текстологической практике, то обнаруживается, что толкование фольклорного текста в ней довольно свободное.

Так, в одной из новейших текстологических работ термин «текст» используется как синоним терминов «запись», «вариант», «версия», «былина», «сюжет», «отрывок»: «Приладожская былинная традиция представлена в науке **6 текстами (бсюжетами)** (здесь и далее выделено нами – С.Б.)», «Из этой многосоставной схемы в приладожском **варианте** реализуются эпизоды 9-11. <...> Тем не менее, в приладожском **тексте** отразилась довольно редкая формула – совет героя людям уйти с места его казни, так как казнь будет страшной», «Былина «Дюк Степанович и Шарк-великан» ... с трудом поддается точной квалификации. Содержание этого **текста** следующее...», «Таким образом, рассматриваемый регион представлен в науке только тремя аутентичными былинными **текстами**. Судя по этим **записям**, во второй половине XIX в. ладожане помнили таких традиционных героев русского песенного эпоса, как Алеша Попович, Илья Муромец, Василий Буслаевич ...» [3]. Примечательно, что и в названии труда, и в самом содержании раздел, в котором публикуются былины с паспортными данными и комментариями, назван автором «**Тексты**».

Как видим, в фольклорной текстологии термин «текст» (при всем старании текстологов!) не относится к разряду «строгих», поэтому зачастую вольно или невольно замещается другими, близкими по смыслу понятиями. Иначе говоря, для текстологической концепции понятие «фольклорный текст» как теоретическая категория по существу нивелируется и существует только в режиме практического обихода.

В целом же для науки функционирование категории «текст» в текстологии фольклора не способствовало определению ни самого понятия, ни его специфики. Напротив, границы фольклорного текста стали расплывчатыми, что привело к тождественности текста с другими понятиями текстологии.

На наш взгляд, проблема текста в фольклоре возникает тогда, когда исследователь прежде всего задается вопросом: о каком тексте идет речь? Ведь фольклор в современных условиях можно не только услышать непосредственно от исполнителя, так сказать «вживую», но и прочитать в сборнике, услышать по радио, с аудиозаписи, увидеть на видео, кинозаписи, найти в Интернете. Иначе говоря, сами формы восприятия фольклора, вызванные новыми условиями жизни, способствуют различным толкованиям понятия «фольклорный текст».

Более того, сегодняшнее представление о фольклоре ушло далеко от его традиционного «классического» понимания. Действительно, традиционно фольклором считалось народное

поэтическое творчество обрядового и необрядового характера, т.е. многочисленные заговоры, причитания, сказки, песни, загадки, анекдоты и т.д., устно бытующие в народе. Фольклорист, изучая фольклор, по существу имел дело с записями вариантов и версий фольклорных произведений. Но подобные «записи» лишь фиксировали текст, не делая его «письменным».

В противовес сказанному сегодня особую продуктивность приобрели заявления о новой форме народного поэтического творчества – «письменном фольклоре», к которому относятся: нательные обереги, граффити (надписи на партах, стенах, заборах и т.д.), армейские и девичьи альбомы, анкеты, вопросники, ребусы, надписи к фотографиям, открыткам, конвертам, словники, псевдообъяснения аббревиатур, компьютерный смайлик, «SMS-ки» и т.п. Названные жанры кардинально изменили представления как о фольклорном тексте, так и в целом о фольклоре. В результате этого в науке прочно утвердился термин «postfolklore», о сущности которого нам уже приходилось говорить [4]. Очень активны российские ученые в плане собирания и первоначального обобщения подобного материала [5].

Следовательно, в фольклористике на равных существуют: фольклор и постфольклор, устные и письменные формы. Со всем этим исследователь не может не считаться, ведь логика развития науки не зависит от личных пристрастий и установок. Поэтому сегодня можно констатировать, что современный фольклор – это мощный пласт народной культуры, дающий богатейший материал для толкований, размышлений и научных исследований. В свою очередь сама наука о фольклоре не может существовать изолированно. В век интенсификации, глобализации, интеграции она испытывает сильное влияние других областей социальных знаний (языка, культуры, религии, психологии, информационных наук и т.д.).

Как видим, актуализация проблемы фольклорного текста – факт очевидный и неслучайный. Каково же решение данной проблемы? Если «оставить за рамками» перипетии научных полемик, то в теоретической фольклористике сегодняшнего дня ясно просматриваются два четко обозначенных подхода к понятию фольклорного текста.

Первый подход, на наш взгляд, можно условно определить как «классический», традиционный, историко-типологический. Его представители придерживаются «узкого» понимания фольклорного текста в рамках концепции «фольклор как искусство слова». Поэтому в их интерпретации фольклорный текст – это конкретный устный словесный (вербально оформленный) текст, функционирующий в быту народа.

Понятно, что историко-типологическая трактовка фольклорного текста в своей концептуальной сущности традиционна. И в этом смысле специфика «живого» фольклорного текста выявляется (опять же!) традиционным путем: сопоставлением его с текстом литературным. Так, К.В. Чистов отмечает: «Фольклорный текст – это текст устный, т.е. произносимый исполнителем и воспринимаемый на слух; литературный – зафиксированный, читаемый и воспринимаемый в процессе чтения» [6].

Таким образом, согласно названной концепции, фольклорный текст – это только вербальная сторона произведения. Все остальное (обряды, действия, мимика, жесты, предметы, реакция слушателей и т.д.), безоговорочно относятся к условиям исполнения, не имеющим непосредственного отношения к «слову» – тексту.

В рамках традиционной концепции фиксация названных явлений носила факультативный характер, а исследование передавалось в ведение других наук: этнографии, музыковедения, прикладного искусства и т.д. Иначе говоря, исследователь по существу вправе был учитывать или не учитывать так называемый контекст, фоновые знания (исторические, этнические, этнографические), поскольку воспринимал словесный фольклорный текст как самостоятельное явление.

Негативный характер подобного концептуального подхода к художественному тексту в свое время образно выразил Ю.М. Лотман, который писал, что «художественное произведение, взятое само по себе, без определенного культурного контекста, без определенной системы культурных кодов, подобно «надписи надгробной на непонятном языке» [7].

Второй подход может быть определен как современный, инновационный, структурно-семиотический. Его представители – сторонники «широкого» толкования фольклорного текста. Исходя в своих дефинициях из информационных и семиотических наук, они под фольклорным текстом понимают реализацию определенной структуры, схемы, модели или совокупность знаков, кодов, символов, различных «языков».

Благодаря этому подходу, в фольклорном тексте увидели не только «слово», но и то, что стоит за этим «словом» или объясняет его. В результате возникли новые науки: лингвофольклористика, этнолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, во многом унаследовавшие идеи А.Н.

Веселовского и А.А. Потебни в области языка и фольклора.

Так, Н.И.Толстой, опираясь на богатый опыт лингвокультурологических исследований, дает следующее толкование фольклорного текста: «...культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками. В этом случае ... под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий, и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность» [8].

Иначе говоря, то, что в традиционном понимании принято считать фольклорным («словесным») текстом, с точки зрения этнолингвистики является одним из языков, «слов», кодов единого семиотического текста, состоящего из трех знаковых компонентов: обрядового (акционального), предметного (реального) и словесного (вербального). Таким «текстом» предстанет, например, обряд, в котором ритуальные действия (обход дворов, обсыпание), используемые при этом предметы (зерно, ритуальная еда, мелкие монетки и др.) сопровождаются исполнением фольклора (рождественских колядок). Все эти «языки» взаимозаменяемы и могут быть, при необходимости, реконструированы. Понятно, что подобное толкование фольклорного текста значительно раздвигает границы текстового пространства и апеллирует к широкому культурологическому контексту.

В русле вышеназванной концепции развиваются взгляды других исследователей. Так, В.М. Гацак, интерпретируя фольклор как «многообъектное явление», «первую естественную мультимедийную систему», предлагает рассматривать фольклорный текст как «пучкообразное» явление, а не «единственное» или «однолинейное» [9].

Свое понимание фольклорного текста предлагают этнографы и культурологи. Опираясь на тесную связь фольклора с жизнью, бытом, культурой народа, они вводят понятие «фольклорно-этнографический текст». В отличие от концепции Н.И. Толстого, в которой составляющие текст коды равноправны и взаимозаменяемы, этот подход предполагает наличие в тексте «центрального звена, а именно, – художественной формы (музыкально-поэтической, инструментально-хореографической или какой-либо другой)» [10]. Как видим, в данной концепции фольклорный текст предстает своеобразной «метасистемой», центром которой является вербальный, музыкальный, или хореографический «текст». Подобный текст как сложная структурно-семиотическая единица выходит за рамки фольклора и становится особым коммуникативным средством.

Важно подчеркнуть, что рассмотренные концепции фольклорного текста при внешнем несходстве близки друг другу по ряду позиций. Прежде всего они утверждают самостоятельность фольклорного текста, его отличие от литературного. При этом всеми в разной степени признается многосторонность фольклорного текста (неважно, результатом чего эта многосторонность является: традиционного синкретизма или семиотичности фольклора). Отсюда и общее стремление исследователей – расширить границы текстового пространства в фольклоре, рассматривать фольклорный текст на широком фоне сведений, предлагаемых другими гуманитарными науками.

Таким образом, фольклорный текст, выйдя за пределы сугубо текстологического понятия, стал предметом активного научного осмысления, подтверждая тем самым свое основополагающее значение для теоретической и исследовательской фольклористики.

Литература:

1. Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С.26.
2. Иванова Т.Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. – Л.: Наука, 1991. – Т. XXVI. – С. 6.
3. Иванова Т.Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследования и тексты. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. – С. 25-35.
4. Бралина С.Ж. Postfolklore как феномен современной культуры // Вестник Карагандинского университета. Серия филология. – 2005. – № 4. – С. 44-46.
5. Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. – М.: Ладомир, 1998. – 744 с.; Устная и рукописная традиции: Сб. науч.тр. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – 247 с.; Современный городской фольклор. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – 736 с.
6. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. – Л.: Наука, 1986. – С. 163.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – С. 271.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – С. 23.
9. Гацак В.М. Этнопоэтические константы в фольклоре: уровни, изоглоссы, «мультимедийные формы» (на славянском и неславянском материале) // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Межд. съезд славистов (Любляна, август 2003). Доклады российской делегации. – М., 2003. – С. 311.

10. Лобкова Г.В. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: образы, ритуалы, художественная система. – СПб., 2000. – С. 12.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СТРАХОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Воробьева С.М., к.э.н., доцент
 Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
 г. Караганда, Республика Казахстан

В данной статье на основе статистического материала исследуются изменения в развитии страховых и перестраховочных операций в Республике Казахстан в период кризисного и посткризисного развития страны.

Ключевые слова: страхование, страховые операции, перестраховочные операции, посткризисный период.

Мировой финансово-экономический кризис 2007-2009 гг. оказал негативное воздействие на страховой рынок Республики Казахстан. Снижение темпов роста макроэкономических показателей, рост цен и инфляционные ожидания, сокращение объемов производства, снижение покупательской способности населения и другие негативные процессы в национальной экономике привели к сокращению объемов продаж страховых продуктов.

При этом страховой рынок отреагировал на кризисные процессы в финансово-кредитной сфере страны в гораздо меньшей мере, чем, другие сектора финансового рынка.

Это объясняется особенностями организации финансов страхового бизнеса, где после оплаты страховых услуг далеко не каждый участник страхования обращается за их получением (выплатой страхового возмещения). Поэтому единичные банкротства в страховом бизнесе не вызвали опасной цепной реакции неплатежей, не затронули как всех страхователей страховых организаций, так и других участников страхового рынка.

Кроме того, снижение инвестиционного дохода наиболее существенно сказывается на накопительных видах страхования, которые в докризисном периоде не имели в нашей республике какого-либо должного развития.

Таким образом, страховой сектор Казахстана в период мирового экономического кризиса продемонстрировал замедление темпов своего развития. В 2009 году произошло сокращение поступления страховых премий на 53,57 млрд. тг. или в 1,6 раза по сравнению с 2007 годом.

Однако, в 2010-2011 годах уровень поступления страховых премий выходит на докризисный период и имеет устойчивую тенденцию на увеличение сборов.

В посткризисный период на страховом рынке Казахстана существенно сокращается количество страховых организаций с 44 до 34 страховщиков. С рынка ушли страховые организации, осуществляющие общее (рисковое) страхование. Это связано с недостаточным объемом и несбалансированностью их страховых портфелей, не выполнении требований по обеспечению финансовой устойчивости.

Анализ основных показателей развития страхового сектора в Республике Казахстан показывает, что, в целом, прослеживается их устойчивая положительная динамика (См. Таблица 1).

Т а б л и ц а 1.

Динамика основных показателей развития страхового сектора в Республике Казахстан за 2009- 2013 гг.

(млрд.тг)

Показатели	2009	2010	2011	2012	2013
Активы	297,3	343,2	387,7	442,7	523,4
Страховые резервы	101,0	114,9	127,9	174,3	240,3
Собственный капитал	180,5	208,7	231,2	239,7	254,6
Страховые премии	93,77	139,96	175,53	211,67	253,07
Страховые выплаты	27,76	25,25	43,14	68,1	51,99